

◆ ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ

АКТЕРОМ БЫТЬ
ОБЯЗАН

«Всегда самое трудное — начать. Кажется, ничего не умею, ничего не смогу. Всегда побаиваюсь новых работ», — говорит Владимир Огновенко, и с этим признанием уходит та «необычность», которую я невольно ждала от него, которой всегда ждут от артиста.

В нем обычно все, кроме голоса. Этот голос сделал простого рабочего парня с Челябинского тракторного солистом оперного театра, артистом.

Последняя его работа — Петр I в одноименной опере А. Петрова. Интересно, что в одном стали схожи судьбы исполнителя и композитора — случайное открытие музыки и связанность с нею на всю жизнь. «О себе я не могу сказать, что музыка с детства была моей страстью», — сказал в одном из интервью Петров. «В детстве никогда не пел. Где-то лет в четырнадцать баяном увлекся, но о пении даже не думал», — вспоминает Огновенко.

Жизнь подарила обоим случай.

В шестнадцать, наигрывая какую-то мелодию, Владимир запел и сам почувствовал, что у него хороший голос. Потом был кружок самодельного пения, челябинское музыкальное училище, свердловское училище, Уральская консерватория. Еще студентом он был принят в стажерскую группу солистов оперы, затем в труппу театра.

Сейчас своим мягким, но большой силы и звучности, красивого тембра басом он спел свыше 35 партий.

Солист оперы — не только певец, он еще и актером быть обязан.

«Ведь каждая опера — другой век, другие обычаи, манеры, жесты. Сделай так, чтобы мужчины на балу в «Евгении Онегине» сидели, — и дух времени в спектакле потерян, а умение двигаться...». Огновенко прекрасно понимает, как важно это умение для современного артиста.

Вслушиваясь в музыкальное решение образа, стремясь сделать Петра таким, каким представляет его наш современник, Владимир пошел сразу по двум путям. «Первый — Петр такой, каким вижу его я, — говорит он. — Второй — ставка на узнавание всеми. Нам известен кинообраз, созданный Симоновым, многие читали роман Толстого, и не найди

слушатель знакомые черты в облике Петра — не примет его».

Сейчас опера еще молода, и трудно сказать, что нового подкажет ее музыка артистам. Но вот певец появляется на сцене — и мы слышим в его голосе петровские интонации, видим петровскую улыбку... Вот он прошелся, и мы говорим: Петр!

«Получается своеобразный бумеранг. Можно сказать, что в герое столько меня, сколько во мне его. Порой ловлю себя на том, что жестикулирую, обращаюсь к людям, даже хожу теперь, как он», — рассказывает Огновенко.

Для того, чтобы сказать такое, ему пришлось, говоря его же словами, «перешагнуть через себя». Даже с голосом пришлось бороться: у певца бас лирический, а былинная напевность музыки и могучая резкая фигура Петра требовали баса центрального, требовали нажима.

Спрашиваю, а как же другие партии? Если настолько силен «бумеранг» с героем, откуда берутся творческие находки в других ролях, ведь каждый прежний остается?

— Я артист оперы, и естественно, что основные черты характера любого моего героя заложены в самой музыке.

Для оперного солиста, которому нужно всегда помнить о четкости музыкальной фразы, о всех нюансах вокального исполнения — оставаться самим собой трудно. Давит опыт поколений, классические варианты решения образа.

Уйти от привычного, найти свой поворот — задача, которую пришлось решать актеру, когда четыре года назад он взялся за партию Мефистофеля в «Фаусте».

Партия эта, одна из самых ярких в мировом оперном искусстве, стала одной из творческих удач молодого артиста. Ее сложное музыкальное построение потребовало большой школы. Такой школой стали и годы учебы у прекрасных педагогов (в Челябинске — Мелита Александровна Садовская, в Свердловске — Зинаида Григорьевна Тарасенко и народный артист РСФСР Иван Петрович Семенов), и те маленькие партии, которые пел Огновенко в театре: Досифей в «Хованшине», Гремлин в «Евгении Онегине», Базилио в «Севильском цирюльнике», Галицкий в «Князе

Игоре». Все эти работы стали этюдами для большой картины, которую пришлось создавать певцу. «Когда я готовил Мефистофеля, где бы ни был, что бы ни делал, музыка заставляла думать только о нем, о короле демонов: «Сатана ликует там, ликует там...».

Его дьявол порой и не дьявол вовсе, а этанкий самоуверенный красавец, любимец публики, готовый на все, чтобы каждый (каждый, каждый!) преклонялся перед ним.

Но не любую душу можно взять на испуг, и вот он является к людям элегантным, остроумным, веселым и щедрым. Выдать его может лишь демонический хохот.

Однако битва Неба и Ада, Добра и Зла окончилась не в его пользу. Он узнан и бит как черт.

«Мы с режиссером постарались снять с Мефистофеля маску злодея с густыми бровями и острой бородкой. Сама музыка давала возможность иного прочтения, более ироничного, что-ли...».

А впереди опять поиск. Сейчас театр готовит оперу Верди «Сила судьбы». Небольшая партия отга Гоордиана потребует от певца небольшого вокального мастерства.

И верится: его ждут удачи.

Не могу удержаться, чтобы не привести несколько строчек из поздравительной открытки, которую получил Владимир Огновенко к началу сезона. Пишет член «Клуба любителей театра», ученик 6 «а» класса школы № 43 Саша Шестаков: «...Когда я посмотрел спектакль «Петр I», то понял, как трудно было Петру строить русский флот». Немного наивные, но теплые слова благодарности.

А. ЛЮБАРСКАЯ.

На снимке: В. ОГНОВЕНКО в роли Петра.